

MEMORIA

КАЧЕСТВО ПРИСУТСТВИЯ К 100-летию Александра Сергеевича Субботина

Помните, у Маяковского: «Я — поэт. Этим и интересен». А чем интересен литературовед и критик? Своими книгами, статьями, рецензиями, лекциями. И наше к этим трудам внимание стимулируется совсем не количеством опубликованного, пусть даже в рецензируемых изданиях, а качеством сказанного, весомостью и самостоятельностью авторских суждений об искусстве и жизни.

Работы Александра Сергеевича Субботина (1923–1991), собранные вместе, свободно уместятся на одной полке. Но среди них не будет ни одной, что осталась бы без отклика. Многие концепции и гипотезы литературоведа из Уральского государственного университета заслуженно получили широкий филологический резонанс.

Когда идет речь о тех, кто состоялся как ученый, нередко зачины типа «Он рано осознал, чем будет заниматься в жизни...». Про Субботина так не напишешь. Вот строки его автобиографии: «Отец работал машинистом водокачки, мать — домохозяйка. В семье было 7 детей. После окончания 7 классов поступил в Лысьвенский механико-металлургический техникум, но проучился только два курса: с третьего вынужден был уйти по материальному положению (лишился стипендии из-за одной тройки). С января 1940 года начал работать... В декабре 1942 года был призван райвоенкоматом в Советскую Армию и направлен на завод № 577 Наркомата боеприпасов (г. Соликамск). Здесь я в течение войны работал слесарем, а затем нормировщиком ремонтно-строительной группы, которая в 1947 г. была преобразована в строительно-монтажное управление. В СМУ-3 работал старшим нормировщиком, потом инженером по труду и зарплате. В 1950 году уволился и поступил в университет (ранее, в 1947 году, закончил 10-й класс вечерней школы с золотой медалью). После окончания университета в 1955 году работал по распределению в школах № 60 (р. п. Кольцово) и № 86 (Химмаш) завучем и директором...».

В УрГУ он вернулся преподавателем в 1963 г., тогда же, на сороковом (!) году жизни, опубликовал первую исследовательскую статью. Спустя три года в МГУ стал кандидатом филологических наук, а еще через полтора десятилетия, в 1980 г., защитил докторскую диссертацию. В том же году принят в ряды Союза писателей СССР. В 1981 г. получил звание профессора. С 1973 г. до своей кончины (в марте 1991 г.) А. С. Субботин возглавлял кафедру советской литературы Уральского госуниверситета. К занятиям филологией он пришел, как видим, имея немалый рабочий, а затем и учительский стаж, и, безусловно, этой человеческой и гражданской зрелостью оказалась predetermined весомость его суждений как литературоведа, критика и вузовского преподавателя.

Научная деятельность А. С. Субботина посвящена прежде всего исследованию поэзии Маяковского. Эта привязанность из дня сегодняшнего может показаться кому-нибудь конъюнктурой, но она была продиктована его — человека и ученого — натурой. Его влекли к себе строки тех, кто тяготел в творчестве к социальной педагогике и верил в действенную силу слова, выверенного ответственностью за происходящее в мире. Потому-то автор любимых с юности строк и стал героем главных его трудов, в которых наследие трибуна революции впервые предстало как система жанров. Настаивая, что в отечественной литературе XX столетия нет художника столь же общественно активного, столь устремленного к идеалам социальной справедливости, как Маяковский, его исследователь и пропагандист показывает, что слово поэта в разные годы неизменно «трудилось в полную силу». Видя систему жанров «мысленным аналогом поэтического творчества, данного в общих тенденциях и конкретном многообразии», ученый убедительно выявляет закономерности внутренних связей между различными — и порой у поэта трудно сопоставимыми — формами и способами организации художественного единства.

Осмысление секретов художественного мира Маяковского, подытоженное в написанной на основе докторской диссертации монографии «Маяковский сквозь призму жанра» (М., 1986), поставило исследователя перед вопросами более общего порядка. Что же такое поэзия? Почему обыкновенные слова, сотни раз слышанные, всем ведомые, вдруг обретают в стихе новый смысл? В силу чего нехитрые созвучия и мерный ритм создают интонацию стиха, придающую поэтическому высказыванию необычайную выразительность? И отчего иногда виртуозно написанные строки, сверкающие неожиданными метафорами и непредсказуемыми рифмами, вызывают лишь холодное равнодушие, а то и досаду?

На эти вопросы Субботин отвечал в критических статьях, печатавшихся на страницах журнала «Урал» и частью собранных в книгах «О поэзии и поэтике» (Свердловск, 1979) и «Горизонты поэзии» (Свердловск, 1984). Читателю этих книг передается авторское восприятие отечественной поэзии, ее богатства и вместе с тем сложности, нуждающихся для своего понимания в известной подготовке. Сам критик и берет на себя ответственную миссию «совершенного читателя». Предлагаемые им трактовки неизменно выверены эмоциональной отзывчивостью и безупречной логикой, а потому убедительны и для тех, кто стихи пишет, и для тех, кто стихи читает.

Субботин владел искусством говорить о сложных явлениях без какого бы то ни было упрощения и вместе с тем четко и внятно. На своем примере он показывал, что наука о литературе при всех своих «цеховых» проблемах и заморочках — одна из самых открытых и демократичных областей знания. В одном из разговоров Александр Сергеевич сослался на завет К. А. Тимирязева: ученый должен работать для науки, а писать для народа. Этой установке он следовал, когда составлял и комментировал издания избранных стихов и поэм Маяковского, под названием «Громада любовь» трижды выходившие в Москве (1977, 1978) и Челябинске (1984) массовыми тиражами.

Признанный в научной среде, он был членом научно-методического совета по высшему образованию Министерства высшего образования СССР и входил в состав Головного совета по филологическим наукам Министерства высшего образования РСФСР, принимая участие в разработке и утверждении учебных планов, программ, учебников, в координации научно-исследовательской работы вузов и в разработке перспектив развития филологического образования в стране. Он дважды избирался деканом филологического факультета УрГУ, занимая этот пост в течение семи лет (1967–1974).

Оглядываясь на четверть века, прожитые мной близ Александра Сергеевича (он был руководителем моей дипломной работы и моей кандидатской), скажу, что он всегда казался мне старше своих лет. Это впечатление было обусловлено не только сутуловатым его обликом и морщинами, рано обозначившимися на лице. Существенней было не внешнее, а внутреннее: все, чем Александр Сергеевич ни занимался, он делал с основательностью и серьезностью. У него можно

было учиться и хотелось учиться — учиться отношению к делу и отношению к тому реальному историческому времени, которое отпущено каждому на жизнь.

Он умел работать. Без горячности и авралов и вместе с тем без встречающейся педантичной отлаженности, когда труды и дни расписываются по часам. Сколь бы ни был он увлечен очередной своей статьей, в его сутках находилось время и для шахматной партии с неожиданно заглянувшим гостем, и для только что вынутой из почтового ящика кипы прессы, и для непротокольных обсуждений последних политических коллизий, и для распутывания на ночь криминальной загадки мастеров детективной прозы. Но главное, повторю, происходило все-таки за письменным столом. Литературоведческие и критические штудии стали для Александра Сергеевича средством самовыражения и самоосуществления. Не скажу, что писал он легко и быстро. Но когда его мысль высвобождалась из черновых формулировок, она представляла сколь определенной, столь и убедительной. Точность фактической основы, доказательность аналитических выкладок, внятность слога — совокупность этих примет и определяла манеру его письма. Оно увлекало напряжением мысли.

Субботин жил, полагаясь на здравый смысл. В сложных ситуациях, случалось, бывал осторожен, судьбу не искушал, отдавая свои силы и способности гуманистическому просветительству, равно необходимому при любом строе. Впрочем, учеников своих он, абсолютно лишенный той пластичности в намерениях и поступках, которая выглядит как податливость обстоятельствам, не раз прикрывал своим авторитетом. Помню, в последнюю встречу с ним — за несколько дней до его ухода в марте 1991 года — он, ясно сознавая свою обреченность, сказал: «Мне довелось пережить многое, но вам предстоит пережить гораздо больше». Тогда я по наивности воспринял пессимистичность этого прогноза лишь как производное от смертельного недуга.

Он мог сделать еще многое. Но когда я итожу обращенные к нему чувства и мысли, возникает ощущение завершенности судьбы. Чтимый им Ю. Н. Тынянов как-то обмолвился о редком человеческом свойстве, названном качеством присутствия. Наш учитель был наделен им в полной мере.

Л. П. Быков

доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: bykov0947@yandex.ru